

Вера Астрэйка
Минск

БАЛТСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА ГРАММАТИКУ ГОВОРОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ЗОНЫ БЕЛАРУССКОГО ЯЗЫКА

У статті аналізується проблема балтського впливу на граматику говорів північно-західної діалектної зони білоруської мови.

Ключові слова: Велике князівство Литовське, білоруська мова, балтський вплив, північно-західна діалектна зона.

В статье анализируется проблема балтского влияния на грамматику говорев северо-западной диалектной зоны белорусского языка.

Ключевые слова: Великое княжество Литовское, белорусский язык, балтское влияние, северо-западная диалектная зона.

In article the problem of the Balt influence on grammar of dialects of a northwest dialect zone of the Belarusian language is analyzed.

Key words: Grand Duchy of Lithuania, Belarusian language, Balt influence, northwest dialect zone.

Северо-западное зональное единение белорусских говорев сформировалось преимущественно в результате разного рода славяно-балтских языковых контактов и связей. Неотъемлимой частью и, в значительной степени, движущей силой этого процесса стала ассимиляция местного балтского населения славянскими колонистами. Этно-культурная славянизация балтских автохтонов на северо-западе современной Беларуси, начавшись примерно в конце X в., растянулась более чем на тысячелетие. Наиболее интенсивно протекала она в период основания, становления и существования Великого Княжества Литовского (далее – ВКЛ). Взаимодействие белорусского и, главным образом, литовского языков (а ранее – и определенных диалектных единиц этногенетической базы обоих) на обозначенной территории, несомненно, всегда имело как адстратный, так субстратный характер, что обусловлено, с одной стороны, смежностью, а с другой – отчасти и совместностью бытия названных лингвокодов в пространстве и времени. Языковые отличия первого и второго порядка в условиях контакта и порождаемой им ситуации неодноязычия (как минимум билингвизма) не всегда делимы, поэтому идентификация их в качестве проявлений субстрата либо ад-

страта в языке-реципиенте весьма усложнена или даже невозможна. Это касается прежде всего лексических и лексико-семантических явлений, образующих основу северо-западного зонального языкового комплекса. Но в него входят, пусть в небольшом количестве, особенности и иных языковых уровней. А поскольку звуковая система и, особенно, грамматический строй языка считаются наименее подверженными внешнему воздействию, возникновение ряда соответствующих регионализмов, можно думать, напрямую было связано с процессами освоения балтоязычными аборигенами чужих (=славянских) говоров и субстратизации родных.

Объясняемые балтским влиянием северо-западные зональные морфологические и синтаксические черты, как и соотносимые с ними ареально и по происхождению отличия в области фонетики¹, в большинстве своём имеют лексически ограниченное употребление, в говорах выступают не совсем последовательно и регулярно, нередко функционируют параллельно с другими, исконно славянскими языковыми средствами. Географически это обычно явления (узко)локального или спорадического распространения. Нельзя исключить, что среди зарегистрированных диалектологами подобных форм присутствуют имеющие речевой (=несистемный) статус проявления нормальной в описанных условиях интерференции: случайные речевые ошибки, своего рода оговорки, обычные при переключении с одного кода на другой. Но и они ценны для исследователя, поскольку представляют собой потенциальные варианты развития языковой системы.

Балтское воздействие, как правило, затрагивает внутривидовый уровень грамматического строя отдельных говоров и/или их совокупности. В плане формального выражения его последствия наблюдаются реже. В пределах северо-западного зонального единения белорусских говоров, например, иногда фиксируются факты употребления типично балтских (прежде всего литовских) формантов, которые встречаются здесь в составе не только заимствованных (бел. сев.-зап. пупя'лькіс, мн. – пупя'лькі 'хвощ полевой' (Вороновский район Гродненской области)², восходящее, по нашему мнению, к лит. rūp(i)alaiškis 'несколько разновидностей болотных растений'), но и собственных названий (бел. сев.-зап. Nom. pl. панажаі 'одна из деталей ткацкого станка', ср. бел. общ. панажы' 'тж'³). И если в первом случае появление явно неславянской флексии стоит объяснять непосредственно процессом конкретного лексического про-

¹ Подробно: *Астрэйка В.* Балцкі ўплыў на фанетыку гаворак паўночна-заходняй дыялектнай зоны беларускай мовы // Язык и межкультурные коммуникации: материалы III Междунар. науч. конф., Минск-Вильнюс, 17–20 мая 2011 г. – Минск, 2011. – С. 274–276.

² Лексічны атлас беларускіх народных гаворак: У 5 т. – Мінск, 1993–1998. [=ЛАБНГ]. – Т. 1. – № 265.

³ ЛАБНГ. – Т. 4. – № 169.

никновения (как субстратного, так адстратного типа) – окончание приходит вместе со словом, то во втором можно и нужно видеть вероятность внутренней экспансии отдельного фрагмента самой грамматической системы побеждённого языка – усваиваемое аборигенами чужое слово по-прежнему «обрамляется» в соответствии с канонами некогда родной речи. На территории рассматриваемой диалектной зоны, включая и её периферию, форма панажаі достоверно бытует в говорах Ивьевского, Вороновского, Лидского (Гродненская область) и Ганцевичского (Брестская область) районов. Интересно, что она отмечена также на значительном расстоянии от беларусско-балтского пограничья – в одном из говоров Мстиславского района Могилевской области, там, где до недавнего времени существовали литовские деревни, основанные во времена ВКЛ. Почти всюду это единственно возможный вариант оформления данного наименования. О подлинных масштабах явления в целом судить трудно, поскольку специальные полевые изыскания даже на уровне системы одного говора никогда не проводились – приведенная нами форма была записана при сборе материалов для лексического атласа беларусского диалектного языка, имевшего совершенно иные цели (ср. также название населённого пункта в Поставском районе Витебской области Камаі). Тем не менее следует предполагать, что во второй половине XX в. оно относилось к числу ареально малозаметных языковых феноменов с безусловными лексическими ограничениями в своём употреблении. Более чёткую картину даёт проекция на карту географии синтаксической конструкции быць на гасця'х, ісці (эхаць) на гóсці с предлогом на вместо более характерного у (где [у] из исконного [в])⁴ (ср. бел. общ. быць у гасця'х, ісці (эхаць) у гóсці, польск. być w odwiedzinach,jechać w goście, руск. быть в гостя'х, идти (эхать) в гости). Тут уже можно говорить об ареале, хотя и достаточно диффузном (Поставский, Лепельский (Витебская область), Мядзельский, Вилейский, Воложинский (Минская область), Ивьевский, Новогрудский (Гродненская область) районы). Возникновение этого грамматического отличия, которое, как и в предыдущем примере, в большинстве говоров выступает в качестве безальтернативного, скорее всего также связано с переходом местного балтского населения на славянскую речь. В литовском языке подобные словосочетания используются главным образом с предлогом į (лит. eiti į svečius 'идти в гости'), которому в беларусском, как и в других славянских, соответствует – в каждом конкретном случае – либо на, либо у (<[в]). Осваивая диалект колонистов, автохтоны вынуждены были совершать выбор из названных языковых средств и, очевидно, иногда путали их, чему, кроме прочего, содействовала ещё и

⁴ ЛАБНГ. – Т. 3. – № 273.

аналогия со стороны близких по семантике славянских сочетаний слов с предлогом на (ср. бел. прыйсці на пачастунак (вяселле), быць на бясэдзе и т.п.). Описанная конструкция, вероятно, ранее была известна шире и в некоторых местах вышла из употребления – косвенное указание на это содержится в комментариях к соответствующей карте лексического атласа белорусского языка: присутствие предлога у в определённых говорах Браславского, Шарковщинского, Глубокского районов Витебской области маркируется пометой «цяпер» (теперь, сейчас). В условиях обычного для межкультурного пограничья полилингвизма подобные особенности могут появляться и гипотетически даже образовываться и в речи носителей традиционных белорусских говоров. Но и здесь более логичным и менее затратным представляется всё же механизм перенимания в готовом виде через речь многоязычных или ассимилированных некогда соседей-балтов.

В некоторых случаях есть все основания утверждать о движении в сторону формирования своеобразных зональных структурных языковых типов, а точнее – о действии в настоящем и/или прошлом более-менее выраженных тенденций регионального языкового развития, которые, находясь в зависимости от совокупности внешних, но достаточно существенных для лингвореальности историко-культурных и социально-политических факторов, пока не приобрели (а, возможно, уже и не приобрели) статус структурно значимой (=конститутивной) и, соответственно, единственно возможной для данного идиома закономерности. Широкие и относительно компактные ареалы образуют в основном лишь отдельные языковые факты (=лексемы), иллюстрирующие подобные трансформации (направления изменений) в системе традиционных белорусских говоров: в истории языка и народа жизнь каждого слова воистину уникальна. Именно на северо-западе белорусского языкового континуума наиболее последовательно реализуется стремление к нейтрализации категории среднего рода существительных, не свойственной литовскому языку и, видимо, предшествовавшим ему, а возможно, и иным балтским диалектам ((мая, адна) ста́да, (мой, адзін) я́блык на фоне бел. общ. (маё, адно) ста́да, я́блыка). На грамматическое оформление словаря чужого языка при переходе на него, несомненно, влияют морфологические характеристики конкретного своего аналога (ср. лит. bandà (ж.р.) 'стадо', obuolys (м.р.) 'яблоко'). Не исключено, что известное в южной части северо-западной диалектной зоны (в пределах т.н. гродненско-барановичской группы говоров) собирательное обозначение огуречной ботвы гуркавіна (ж.р.)⁵ является как раз подобного рода модификацией существительного

⁵ Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. – Мінск, 1963. [=ДАБМ]. – № 279.

среднего рода гуркавін(н)е (гуркавён(н)е), изредка фиксируемого тут же, но наиболее характерного для соседних западно-полесских говоров (ср. лит. *agurklė* (ж.р.) 'тж'). Выбор может осуществляться из уже наличествующих в языке-победителе собственных производных форм: деминутивов и др., которые в данном случае теряют дополнительную коннотацию, переходя в разряд нейтральной лексики – к примеру, в некоторых говорах северо-западной Беларуси вместо (и во избежание) *вядро́* употребляется уменьшительный вариант *вядзэрык* (ср. лит. *kibiras* (м.р.) 'ведро'). Однако предпочтение всё же явно отдаётся субстантивам ж.р. на -а (ср. бел. сев.-зап. (мая, адна) *лы́ка* и лит. *lúobas* (м.р.) 'лыко'). Существенную роль здесь играет и внешнее сходство в самом белорусском языке имён среднего и женского рода с нефлексивным ударением, и активность субстантивов женского рода в литовском. Как следствие – численный рост последних и их особая продуктивность в традиционных восточнославянских говорах на северо-западе Беларуси. Это, в свою очередь, провоцирует колебания в распределении существительных по родам вообще (*паса́г//паса́га*, *бэ́з//бэ́за* и т.д.) и дальнейшие сдвиги в сторону преобладания субстантивов ж.р. на -а. Интересной в этом смысле может быть история употребления лексемы (а)бічо́ўка в качестве наименования бьющей части цепа. С такой семантикой (при основном и общераспространённом значении 'верёвка, верёвочка') она выступает на большей части территории зоны (особенно регулярно на её севере)⁶. Во всех других белорусских говорах используются однокоренные номинации только в форме м.р. (ср. бел. юго-зап. *біч*, *бічык*, сев.-вост. (витебско-могилёвское) *бічу́к*, а также зап.-полес. *бія́к* 'тж'). Русское диалектное (псковское) *абичёвка* 'тж' в ареальном и, по-видимому, генетическом планах нужно считать продолжением белорусского названия⁷. Нельзя не заметить, что в литовских диалектах обозначениями била в цепе являются преимущественно субстантивы ж.р., часто деминутивные по форме (лит. вост., южн. *buožė*, сев., юго-вост. *buoželė* и др.)⁸. Поэтому очень близкое по смыслу восточнославянское *бічо́ўка* 'верёвка, верёвочка' коренным жителям региона в своё время могло показаться более адекватным, кроме того, и с точки зрения словообразовательной и морфологической структуры. В класс слов ж.р. на -а в анализируемых говорах переходят и имена ж.р. с нулевой флексией (*мышá*, *гуся́*⁹), что, на наш взгляд, отчасти связано ещё и с отсутствием у них видимого формального показателя принадлежности

⁶ ДАБМ. – № 258.

⁷ См.: Диалектологический атлас русского языка (центр Европейской части России). Карты [=ДАРЯ]. – Вып. III (часть 1): Лексика. – Минск, 1997. – № 41.

⁸ См.: *Lietuvių kalbos atlasas*. T. 1. *Leksika*. – Vilnius, 1977. – № 56. – P. 117.

⁹ ДАБМ. – №№ 80,81.

к отмеченной грамматической категории – обстоятельством совершенно неприемлемым с точки зрения языкового сознания носителя (пра)литовского говора, в котором окончания соответствующих номинаций всегда имеют материальное выражение (ср. лит. *pelė* 'мышь', *žąsis* (ж.р.) 'гусь'). Подобным образом, возможно, объясняется появление (также за счёт личного славянского материала) деминутивов по форме и нейтральных по содержанию региональных дериватов *свяхроўка*, (пад)павётка. Первое отмечается практически в ареале формы *свяхроў*¹⁰ и, как и *мышá*, *гуся'*, относится к группе северо-западных севернозональных узколокальных регионализмов. Дополнительным образцом для выравнивания в данном случае могло послужить сев.-вост. *ма́тка* 'мать'¹¹ (свекровь – другая мать). Второе, производное от свойственного для основного массива говоров белорусского языка (пад)паве́ць (рассматриваемого некоторыми исследователями в качестве диалектно ограниченного праславянского заимствования из восточнобалтских языковых систем¹²), в своём распространении «покрывает» почти всё пространство зоны и местами даже выходит за её границы¹³. Аналоги его sporadически отмечаются в русских говорах Смоленщины, Брянщины и Псковщины, встречаются в диалектах украинского Полесья¹⁴. Несколько отступая от темы, заметим, что удельный вес уменьшительно-ласкательных формально, но не семантически словообразовательных единиц в северо-западном региональном словаре вообще весьма высок. И это вряд ли может быть случайным. В говорах северо-западной диалектной зоны белорусского языка действует и тенденция к использованию в функции сказуемого как переходных, так и непереходных деепричастий совершенного и изредка несовершенного вида прошедшего времени (*вóзера (было) вы'сахшы, мой сын (быў) пры'ехаўшы, я (быў) залажы'ўшы піто́мнічак, я тут даўно́ бы'ўшы, хата там (бы'ла) стая'ўшы*)¹⁵, связываемая многими исследователями с прямым влиянием со стороны балтскоязычных аналогов.

В основе ряда иных сдвигов в грамматической системе северо-западных белорусских говоров – неизбежные при ассимиляции нейтрализация, унификация и универсализация явлений, структур и средств усваиваемого языка, случаи языковой поддержки и другие свидетельства ретроспективно неоднозначной этно-языковой обстановки в регионе. Переход аборигенов с родного на язык победителей осуществляется в лю-

¹⁰ ДАБМ. – № 90.

¹¹ ДАБМ. – № 89.

¹² Этымалагічны слоўнік беларускай мовы [=ЭСБМ]. – Мінск, 1978. – Т. 8. – С. 90.

¹³ ДАБМ. – № 237.

¹⁴ См.: ДАРЯ. – Вып. III (часть 1). – № 17; ЭСБМ. – Т. 8. – С. 90.

¹⁵ ДАБМ. – № 205.

бом случае не без «огрехов». При этом во второй не только привносятся отдельные черты первого (субстратизация в чистом виде), в нём всегда что-то путается и/или упрощается. Данные преобразования, как отмечалось выше, охватывают не только материально выраженные особенности языка: они касаются также моделей внутреннего языкового устройства. Коррективы – посредством формальных включений либо на структурном уровне – вносятся, надо полагать, прежде всего в те сегменты чужой языковой системы, которые вызывают определенные трудности с усвоением и/или невольно осознаются как слишком сложные и даже алогичные¹⁶. Это происходит как по образцу свойственных для языка субстрата элементов и схем, так и без их использования (через интерференцию, изменения аналогического характера и др.). Форма Gen. pl. существительных женского и частично среднего рода с окончанием -аў (-яў) (хатаў, сценаў, но́чаў, мо́раў, я'блыняў) известна на всей территории северо-западной диалектной зоны белорусского языка и в рассеянном виде – далее в юго-восточном направлении (ср. бел. общ. хат, сцен, начэ'й, марэ'й)¹⁷. Возникла она в результате обобщения разных типов склонения в рассматриваемом участке субстантивной парадигмы, следствием чего стало упрощение последней. Выравнивание произошло по примеру формоизменения субстантивов мужского рода как наиболее частотной группы указанного лексико-грамматического класса слов, а универсальным показателем соответствующего грамматического значения стала доминирующая тут в безударном положении флексия -аў (-яў) (ср. бел. хлòпчаў, пáльцаў, пéўняў, пакóяў). В белорусском языковом пространстве отмеченная зональная особенность образует достаточно обширный и плотный ареал, а, как правило, «для распределения явлений аналогии такая компактность не характерна»¹⁸. Данное отличие употребляется там, где в течение веков существовал славяно-балтский (resp. балто-славянский) билингвизм и не исключены различные проявления восточнолитовского субстрата: к слову, в большинстве диалектов литовского языка и в его литературной разновидности формы Gen. pl. всех типов субстантивного склонения имеют одну общую флексию¹⁹. Подобная черта встречается, правда,

¹⁶ Ср.: *Ткаченко О. Б.* Очерки теории языкового субстрата. – Киев, 1989. – С. 67–69.

¹⁷ ДАБМ. – № 101.

¹⁸ *Калынь Л. Э.* Фонетические диалектные различия, обусловленные рефлексацией праславянских сочетаний плавных сонантов с редуцированными гласными // *Восточнославянские изогlossы.* – Вып. 3. – М., 2000. – С. 34.

¹⁹ Подробно: *Zinkevičius Z.* Lietuvių dialektologija. – Vilnius, 1966. – P. 208–267.

и в диалектах других восточнославянских языков²⁰, но, судя по всему, только в белорусских северо-западных говорах она выступает настолько последовательно и компактно, хотя и по преимуществу параллельно с основной формой хат, сцен, начэ'й, марэ'й. Заметим, что и в пределах русского и украинского языков такого рода формы фиксируются главным образом в речи населения тех районов, где этническая и, следовательно, языковая обстановка исторически была, как и в нашем случае, также далеко не однообразной. Процессы унификации и универсализации, пусть и в далёком до завершения виде, сопровождают и описанную ранее тенденцию к нейтрализации категории среднего рода: упразднение одной из родовых форм ведёт к упрощению системы родовых различий в целом, а универсальным выразителем принадлежности к Sub. fem. становится флексия -а (в ударном и в безударном положении).

Несколько иначе следует трактовать присутствие в северо-западном зональном языковом комплексе синтаксической конструкции типа было́ двух (трох, чатыро́х) брато́ў. Последняя спорадически встречается во всём ареале рассматриваемого зонального обособления белорусских говоров, отмечена в украинском и польском (в том числе и литературном) языках²¹. Точное её соответствие является особенностью литовского языка²². Нахождение на периферии Славии, существование аналогов в других славянских лингвосистемах не позволяют не учитывать возможность исконного происхождения подобных языковых черт и даже вхождения их в состав т.н. реликтовых изоглосс. Но нельзя исключить и факт непосредственного воздействия со стороны смежных языков (в нашем случае – польского и/или литовского) – «цяжка адмаўляць наяўнасць сувязі паміж гэтымі з'явамі, у першую чаргу з-за іх арэальнай блізкасці»²³. Контакты с соседями, нужно полагать, в любом случае играют тут свою

²⁰ См.: ДАРЯ. – Вып. II: Морфология. – М., 1989. – № 37; *Обнорский С. П.* Именное склонение в современном русском языке. – Вып. 2. Множественное число. – М., 1931. – С. 221, 229–230, 242–243, 248–249; Атлас української мови [=АУМ]. – Т. 1. – Київ, 1984. – № 219; АУМ. – Т. 2. – Київ, 1988. – №№ 195, 196; Українська діалектна морфологія. – Київ, 1969. – С. 129–133; *Бевзенко С. П.* Українська діалектологія. – Київ, 1980. – С. 103; *Матвіяс І. Г.* Взаємодія основ з твердими і м'якими приголосними у відмінковій парадигмі іменника // Фонетична, морфологічна і лексична система українських говорів. – Київ, 1983. – С. 30–31.

²¹ ДАБМ. – № 208; аб асаблівасцях ужывання ў беларускай дыялектнай мове гл.: Нарысы па беларускай дыялекталогіі. – Мінск, 1963. – С. 304; АУМ. – Т. 1. – № 281; *Жилко Ф. Т.* Говори української мови. – Київ, 1958. – С. 63; Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов. – Київ, 1966. – С. 367–368; *Киклевич А. К., Кожинова А. А.* Польский язык. – Минск, 2001. – С. 93–94;

²² *Orvidienė E.* Lietuvų kalbos vadovėlis. – Vilnius, 1964. – P. 75, 168.

²³ *Цыхун Г.* Інавацыі славянскіх кантактных зон // *Rozprawy Slawistyczne.* – 1993. – 6. – S. 33.

роль: постоянное наличие соответствующего языкового фона содействует повышению частотности использования, а затем и консервации таких средств в говорах данного региона, а также способствуют различным изменениям по аналогии, стимулируя, активизируя и направляя их. В этом, по нашему мнению, состоит суть отрицаемого иногда исследователями феномена языковой поддержки. И весьма значительное место в последнем принадлежит опять же субстратным языковым пластам.

Балтское влияние на морфологию и синтаксис местных говоров может, таким образом, проявляться достаточно разнообразно, в том числе – не всегда видимо на первый взгляд и внешне ощутимо. Определённые сдвиги в грамматической структуре способны повлечь за собой некоторые изменения в других сферах языковой системы (словообразовательной, семантической). Результаты этого процесса, без сомнения, необходимо считать ярким свидетельством того, что на обозначенной территории, действительно, имела место языковая и, следовательно, этническая ассимиляция неславянского населения. Хотя беларусско-балтское (resp. балто-славянское) зональное языковое взаимодействие в области грамматики протекает со многими ограничениями и не в таких масштабах, как контактирование на уровне лексическом, оно, тем не менее, должно быть признано одним из важных факторов в формировании в пределах этно-исторической совокупности беларусских говоров своеобразного северо-западного региолекта (= регионально обусловленной разновидности диалектной речи).

Vera Astreika

Baltic influence upon the North-West Belarusian dialects grammar

The article analyzes a number of grammatical features typical for the North-West dialect zone of the Belarusian language. These peculiarities are interpreted as a possible result of Slavic-Baltic contacts in the region. Some phenomena can be explained as a Baltic (mainly (great)Lithuanian) substratum in North-West Belarusian dialects. The factor of areal neighborhood has to be taken into consideration too. A lot of the appropriate lingual facts are in restricted and inconsistent use. However, it is possible to be said about more or less significant (now or/and before) tendencies of regional lingual development. That comes in support of forming the singular North-West Belarusian regiolect (= the regionally marked variety of a dialect language).